

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

*Елена Генриховна КОМИССАРОВА —
профессор кафедры гражданского права и процесса
Института государства и права
Тюменского государственного университета,
доктор юридических наук
eg-komissarova@yandex.ru*

УДК 347

КОРРУПЦИЯ В АСПЕКТЕ ОТРАСЛЕЙ ЧАСТНОГО ПРАВА

CORRUPTION IN ASPECT OF PRIVATE LAW BRANCHES

АННОТАЦИЯ. Автор анализирует экономические и социальные последствия коррупции, обозначает роль и место норм частного права в формировании модели антикоррупционного поведения. Исследует формы влияния коррупционных правонарушений на социально-экономические права граждан.

SUMMARY. The author analyzes economic and social consequences of corruption, determines the role and place of private law norms in formation of anticorruption behavior model. The forms of corruption offences influence on social and economic rights of citizens are investigated as well.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Имущественные отношения, гражданско-правовая ответственность за коррупцию, государственные услуги, право на судебную защиту, предпринимательское поведение.

KEY WORDS. Property relations, civil responsibility for corruption, state services, the right for judicial protection, entrepreneurial behavior.

С точки зрения права сферы правового регулирования борьбы с коррупцией и отношения в сфере экономики кажутся расположенными в разных областях: борьба с коррупцией в области публичного права, а экономические отношения между юридически равноправными субъектами по поводу материальных благ — частного права. Однако эти категории оказались связанными: экономический упадок, отражающийся на благосостоянии членов общества, и коррумпированность государственного сектора оказались взаимно обусловленными. Этим объясняется внимание к теме коррупции представителей отраслей права частного. Однако их в большей степени интересуют не сами коррупционные процедуры и их квалификация, а то, как коррупционные правонарушения отражаются на

экономическом статусе членов общества. Потому что частное право во всех странах — это право экономически свободных, юридически самоопределившихся личностей, осознающих свою социальную ценность и готовых активно реализовывать себя в имущественном обороте.

В 1999 г. Совет Европы принял Конвенцию о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Конвенция вступила в силу 1 ноября 2003 г. и является открытым международным договором Совета Европы. Она подписана более чем 40 государствами, а ее участниками являются 25 стран. Российская Федерация в настоящее время готовится к подписанию этого международно-правового акта, определяющего гражданско-правовые аспекты коррупционного противодействия. В отличие от ратифицированной Российской Федерацией Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, которая устанавливает обязанность государства закрепить в национальном уголовном законодательстве составы преступлений, связанных с коррупцией, и санкции за их нарушение, Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию предполагает установить общие правила гражданско-правового и гражданско-процессуального характера противодействия коррупции.

Президент Российской Федерации в Национальном плане противодействия коррупции, принятом 31 июля 2008 г., поручил Министерству иностранных дел Российской Федерации совместно с заинтересованными органами государственной власти представить предложения о целесообразности подписания Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию на основе анализа соответствия данной Конвенции правовой системе Российской Федерации и оценки возможных последствий ее подписания. Однако уже сейчас можно спрогнозировать, насколько трудоемким будет путь, ведущий к подписанию этой Конвенции. И дело не столько в затруднительной адаптации уже существующих правовых норм гражданского законодательства к отношениям в сфере коррупции, сколько в том необозримом разрыве, который сложился между должным (правовым, а значит идеальным, позитивным) и сущим, т.е. реальным положением вещей.

Нельзя отрицать то, что право в российском обществе становится все более востребованным. Об этом говорит тот факт, что при слове «право» мы вспоминаем не только Уголовный кодекс РФ с его санкциями, но все чаще — Гражданский кодекс РФ (далее — ГК РФ), содержащий нормы, направленные на создание публичного экономического порядка, смысл и содержание которых вселяют надежды на то, что российским предпринимателям будет обеспечено благоприятное экономическое пространство, а гражданам — должное экономическое благополучие. Также вспоминаем про Декларацию прав человека и гражданина 1991 г., что тоже весьма символично, так как служит доказательством того, что право свернуло с пути коллективистской модели и в своем частноправовом содержании все решительнее афиширует права и свободы отдельного человека. Об этом говорят и многочисленные состоявшиеся судебные решения в защиту прав физических и юридических лиц, а также Постановления Конституционного Суда РФ. Все это вкупе с иными конституционными проявлениями свидетельствует о том, что Россия достигла высокого уровня государственности. А значит, право перестало быть декоративным украшением или формальным атрибутом, необходимым благопристойному государству. Оно действительно оказалось востребованным нашей жизнью и уже далеко не для всех является второстепенной ценностью, а потому правовых оттенков в социальном фоне становится намного больше.

Между тем, чем больше общество нуждается в праве, тем заметнее становятся негативные явления в том пространстве, которое этому праву должно соответствовать. Формальные правила все чаще заменяются неформальными, попадая в разряд нормы. Именно это положение усиливает разрыв между необходимым и действительным. К сожалению, есть основания полагать, что разрыв этот поддерживается отчасти искусственно — ведь коррупции надо где-то существовать и быть.

Лексическое значение слова «коррупция» — порча. В Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию понятие «коррупция» означает «требование, предложение, предоставление или принятие, прямо или опосредованно, взятки или любого другого недолжного преимущества или возможность этого, которое приводит к нарушению надлежащего исполнения обязанностей или поведения, требуемых от лица, получившего взятку, недолжное преимущество или возможность этого». Если спроецировать данное определение на сферу российских экономических отношений, то многочисленные примеры «требований», «предложений» и «предоставлений» можно приводить бесконечно.

Известно и почти общепризнано, что коррупция — это побочный продукт жизнедеятельности государственного аппарата, так называемые огрехи государственности [1; 15]. В силу этого коррупция, исходя из ее определения, многим представляется явлением, касающимся верхних или средних эшелонов власти, а человеку обычному, рядовому (как говорил Н.В. Гоголь — «маленькому») до нее как бы и дела нет. Но Россия пошла дальше. Сегодня в нашей действительности это не только исторически известное казнокрадство, но и повсеместное «растаскивание» частных средств физических и юридических лиц. Фактически коррупция стала составляющей не только политических, но и большинства экономических институтов [2; 43]. А это значит, что шаткий и нестабильный рынок может рухнуть в любое время. Ибо рынок — это не коммерческий подкуп и теневые операции, а качественные услуги, товары и работы, и потребитель, на которого этот рынок рассчитан.

Во всем мире право — это правило, которому необходимо следовать и которое необходимо уважать. В России — это дистанция, которую надо сохранить, но проявить при этом изобретательность. И если норм, содержащихся в отраслях публичного права, надо просто бояться и это из нашего сознания не отнять, то нормы частного права с их дозволительной, а не карающей направленностью вообще перестают существовать. Поэтому пока в России авторитет частного права, пришедшего к нам из отточенных конструкций немецкого права, общепризнанного во всем мире, вот уже на протяжении пятнадцати лет конфликтует с действительностью.

В России создан весьма самобытный образ частного права, благодаря которому сознание предпринимателя «изгибается» в нужную ему сторону. Юристы же, занятые в сфере экономики, превращаются в юридических «фокусников». Фокусничают везде: при заключении договора, который пока не возведен в ранг значимости «самого себя» — важна и значима «бумажка», на которой написано магическое слово «договор»; при создании юридического лица, которое стало своеобразным расходным материалом — ведь пока зарегистрировать юридических лиц можно бесконечно много и в любой момент, а потому каждую более или менее серьезную организацию сопровождает «россыпь» юридических лиц без имущества, необходимых для выполнения каких-то определенных функций. Отсюда столь привычная и далеко не всегда неквалифицированная манипуля-

ция гражданско-правовыми конструкциями: например, при заключении договора дарения контрагенты на самом деле мыслят куплю-продажу, «забывая» при этом, что надо отдавать деньги.

В нормах ГК РФ закреплена ведущая идея современной экономической жизни: государство не определяет экономические отношения принудительно, а лишь занимает позицию органа, охраняющего то, что будет определено другими. Данное положение — идеал. Его достижение возможно лишь в том обществе, где созданы благоприятные условия для деятельности предпринимателей, у которых «голова болит за бизнес, а не за карман». Но в обществе, пораженном государственным лихоимством, эта идея меняет «облик» — государство не вмешивается в экономические отношения, но (в лице своего аппарата) фактически выполняет роль «бюрократического рэкетира», тем самым нанося непоправимый вред той экономической гармонии, в стремлении к которой создавался рыночный механизм российского хозяйствования. Что в итоге имеем? Некачественный рынок товаров, работ и услуг, который есть и останется таковым до тех пор, пока будет возможность через коррупционные связи обойти требования закона и содержащиеся в нем запреты. Благодаря таким (нередко вынужденным) обходам уже слишком большой слой предпринимателей оказался пораженным не только мыслью о том, что недобросовестное поведение может приносить прибыль, но и той, что через подкуп можно избавиться от необходимости следовать изначально любым невыполнимым инструкциям, а соответственно и требованиям, заключенным в них.

Меры противодействия указанным ситуациям заложены в Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Согласно нормам Конвенции, национальные законодательства должны закрепить положения о недействительности сделок, связанных с коррупционными преступлениями. Анализ ГК РФ показывает, что в российском законодательстве нет норм, прямо признающих недействительность такого рода сделок, хотя такая возможность все же предоставляется рядом статей ГК РФ (ст.ст. 168, 169, 179 ГК РФ).

Ни для кого не секрет, что получение лицензии, разрешений пожарной и иных служб на эксплуатацию объекта — это коррупционная вольница. Поборов много, и средства, затраченные на них, впоследствии определяют высокую стоимость товаров (услуг) и их несоответствующее качество, ложась на плечи потребителей. Там, где повышение стоимости невозможно (например, маршрутные такси), качество сервиса оказывается низким и фактически первобытным. В итоге инвестиции, которые предполагалось вложить в предпринимательскую деятельность, поступили в личное потребление разрешающего органа, в результате страдает и сам предприниматель и его потребители. Но ущербно и другое: в таких условиях «предпринимательская предприимчивость» развиваться не способна. Вся энергия предпринимателя тратится на выживание, а не на то, чтобы наполнить потребительские корзины качественными и доступными товарами, работами, услугами. В таких условиях трудно мечтать о появлении здорового, стабильного слоя средних предпринимателей, которые во всем мире выступают модернизирующей экономической силой.

К сожалению, многочисленные нарушения прав граждан на товары, работы, услуги стали нормой и это тоже следствие коррупции. Коррупция генерирует несправедливое распределение, разрешая наименее эффективному контрагенту, но имеющему возможность подкупать чиновников, быть участником предпринимательского рынка в ущерб добросовестному предпринимателю. Благодаря этому злу, принцип равенства, на котором в развитом рынке основываются

имущественные отношения контрагентов, оказывается лишенным защитного элемента от вмешательства в частные дела кого-либо. В этой части значимо положение Конвенции о гражданско-правовой ответственности, где предусмотрена ответственность юридических лиц за коррупционные преступления, в том числе и уголовная.

Надо открыто признать, что коррупция — это обратная сторона нормальной формы существования общества, и в ней же сегодня ведущая причина беззакония в потребительской сфере. Стремясь к избавлению от этого, надлежит выявить наиболее коррупционнoемкие участки, связанные с реализацией прав граждан на качественные и доступные товары, работы, услуги, увидеть наиболее взяточнoемкие нормативные акты [3; 18] (яркий пример — ФЗ № 94) с тем, чтобы своевременно принять необходимые законодательные противовесы (в примере с ФЗ № 94 это может быть закон «О противодействии сговору юридических лиц при заключении контрактов для государственных и муниципальных нужд»). Ведь речь идет о тех сферах, которые опосредуют повседневное социальное благополучие граждан. Пока же эта та область, где население теряет массу времени, противостоя злоупотреблениям со стороны власти и произвольности их действий, несет огромные эмоциональные затраты, обретая психическую деформацию, утрачивая последнюю веру в право и справедливость, испытывая хронические социальные стрессы.

Отдельная строка — государственные услуги. Эти те услуги, которые государство обязалось реализовать, обеспечивая их качество, своевременность и полноту. В их числе, например, получение паспорта по достижении 14 лет, обмен паспортов и выдача новых взамен утерянных или испорченных, бесплатная медицинская помощь в федеральных лечебных учреждениях, образование на бюджетной основе, обмен водительских удостоверений, выдача загранпаспортов и т.д. Эти услуги сопровождают нас повсюду, на стороне услугодателем выступает государство в лице его органов. Но и здесь повсюду коррупционные «тромбы», несмотря на то, что речь идет о реализации не каких-то абстрактных прав и свобод, а тех, которые каждому гарантированы Конституцией РФ.

На основании Постановления Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2005 г. № 679 «О порядке разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций» оптимизация процесса оказания этих услуг связывалась с уменьшением временных, материальных, моральных издержек для получателей услуг. Несмотря на попытки госорганов улучшить положение дел в этой сфере, в том числе за счет минимизации государственных сборов за оказание таких услуг, ничего этого пока не случилось. По-прежнему привычна и традиционна ситуация, когда кто-то сразу сворачивает с парадного входа и идет через «задний», кто-то с парадного пытается найти знакомых, кто-то мается в бесконечных очередях со всей концентрацией в них особенностей нашего этноса. Надо ли говорить о зрелости желаний услугополучателя дать хоть кому-нибудь взятку («почесть»), чтобы избавиться от этих самых издержек.

Степень неосведомленности услугополучателей государственных услуг — это тоже повод для наживы лиц, их оказывающих. Ведь федеральный закон «О стандартах государственных услуг» так и не принят, а значит, не установлены этические, временные и иные границы их оказания. Отсюда проблема доступности этих самых услуг, которая усугубляется еще и за счет того, что в психологии чиновника и регламенте оказания государственных услуг не заложено главное: чиновник, оказывающий услугу, действует от имени государства и в со-

циальных интересах пользователей этих услуг, неся за качество и доступность услуги юридическую ответственность.

В этой ситуации уместно вспомнить о морали и нравственности тех, кто нами управляет. На языке закона — это люди, обремененные соответствующими административными полномочиями, «люди, которые ведают людьми», а подчас и их судьбами, именуемые чиновниками. Прообразом современного чиновника в римской республике были магистраты, для которых магистратура «не есть служба, а есть почесть, каждый из них несет в себе частицу царского величия и вместе с народом является носителем государственного величества». Не все российские чиновники попадают под известное пушкинское изречение «чином от ума и совести избавлены», но и «о величии вместе с народом» говорить, конечно, не приходится. Главная причина видится в том, что мера полномочий и объем личной ответственности по отношению к чиновнику в России еще никогда сбалансированы не были.

Нецивилизованность рынка государственных услуг и хроническая грубость представителей государственных органов по отношению к простому члену общества во многом спровоцированы нашей реальной незащищенностью. Отсюда отдельный вопрос о праве на судебную защиту. Оно тоже «затронуто» коррупцией и соответственно здесь тоже проявляются «болевые» эффекты, заключающиеся в том, что защитные институты своей функции до конца не выполняют. В то же время Конвенция о гражданско-правовой ответственности предусматривает, что государство, являющееся ее участником, должно обеспечивать эффективные средства правовой защиты для лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции, позволяющие им защищать свои права и интересы, включая упущенную выгоду и моральный вред. Для возмещения вреда Конвенция предусматривает наличие трех условий: ответчик совершил или санкционировал акт коррупции, или не предпринял разумные шаги для предотвращения акта коррупции; истец понес ущерб; наличие причинно-следственной связи между актом коррупции и нанесенным ущербом.

Согласно ст. 46 Конституции РФ, каждый имеет право на судебную защиту. Развито это положение и в ст. 11 ГК РФ. Это две нормы, которые указывают нуждающемуся в юридической помощи человеку, куда идти. Однако, столкнувшись с реальностью, лицо, нуждающееся в защите, начинает обретать реальные ориентиры реализации своего фундаментального и, как казалось, гарантированного права. Разрыв между идеальным, заложенным в праве, и реальным здесь также оказывается огромным: те же очереди, дороговизна представительских услуг, сложности с определением подсудности, значительные временные и эмоциональные издержки, длительность процессов и т.д. Сориентировавшись во всех этих судебных трудностях, чиновники перехватили инициативу у граждан и юридических лиц. Отказывая лицу в реализации его законного права или создавая дополнительные условия для его реализации, чиновники бросают законное, но болезненное для любого посетителя: «идите в суд — он разберется». Расчет прост: далеко не каждый дойдет до суда — это действительно непросто, а если дойдет, то его (чиновника), туда и не вызовут. Вот чиновник и использует часть социальных проблем себе во благо, играя на всем: на собственной безнравственности, на правовом инфантилизме поколения, проходившего социализацию в советское время с его мифом о защищенности граждан государством, породившим невысокую правовую грамотность и низкий инстинкт социальной защиты. Играет он и на перегруженности судебной машины, удивительной ее нетехнологичности — программа «Электронная Россия» до судов так и не дошла.

А еще у коррупции много лиц и масса «внебрачных детей», безжалостно топчущих всходы наших социальных прав. Это групповые и безликие понятия: коммунальщики с их нерасторопностью, местные власти, проверяющие органы, обслуживая которых предприниматели забывают о бизнесе и т.д. Все они в любой момент через непрофессионализм действий и профессионализм должности способны нивелировать законные права граждан на достойную жизнь. Все это повод для того, чтобы разрешать проблему коррупции и в аспекте права частного. Это, в том числе, позволит сформировать адекватную модель антикоррупционного поведения и тех, от кого зависит социальный комфорт российских граждан, и самих российских граждан. Нельзя забывать, что российское население имеет плодотворные корни, берущие начало в греко-римской цивилизации. Как показывает опыт наших духовно, экономически и юридически продвинутых соседей (Германия, Франция и др.), потомки этой ветви могут и должны жить в цивилизованном политическом и экономическом обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ коррупционного законодательства: Памятка эксперту по первичному анализу коррупционности законодательного акта / М.А. Краснов, Э.В. Талапина, Ю.А. Тихомиров, К.И. Головщинский, В.Н. Южаков; Под ред. В.Н. Южакова. М.: Статут, 2004.
2. Богданов И.Я., Калинин А.П. Коррупция в России. Социально-экономические и правовые аспекты. М., 2001.
3. Буш М.Ю. Коррупционные отношения в современной России и политический ракурс элиты. Ростов на/Д., 2005.
4. Тимофеев Л.М. Институциональная коррупция: Очерки теории. М., 2000.

Вадим Аркадьевич ХОХЛОВ —
профессор кафедры гражданского
предпринимательского права
Самарского государственного
экономического университета,
доктор юридических наук
isl@jurati.ru

УДК 347.238.1

ВОПРОСЫ СОАВТОРСТВА

THE ISSUES OF CO-AUTHORSHIP

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой последовательный анализ правового режима соавторства. Рассмотрены основные положения, касающиеся возникновения соавторства на объект интеллектуальных прав соавторов и порядка использования результата творческой деятельности.

SUMMARY. The article contains a consistent analysis of the legal procedure of the co-authorship phenomenon. It also deals with the basic issues concerning the origin of co-authorship to the object of intellectual property rights, a complex of intellectual property rights of co-authors and the order of creative activity results application.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Объект интеллектуальных прав, соавторство, исключительное право, личные неимущественные права, право доступа, право следования, право на отзыв.

KEY WORDS. The object of intellectual property rights, co-authorship, exclusive rights, personal non-property rights, the right of access, the right to revoke.